

Н. Б. Бурдо

РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В САБАТИНОВКЕ II. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ ТРИПОЛЬЯ

На основании полевой документации, а также материалов, хранящихся в Научных фондах Института археологии НАН Украины, детально рассмотрены данные для реконструкции постройки, широко известной как «святилище на раннетрипольском поселении Сабатиновка II» в Кировоградской обл. Предложена реконструкция сооружения, основанная на фактическом материале.

Ключевые слова: раннее Триполье, Сабатиновка II, жилище, святилище, реконструкция, архитектурные остатки.

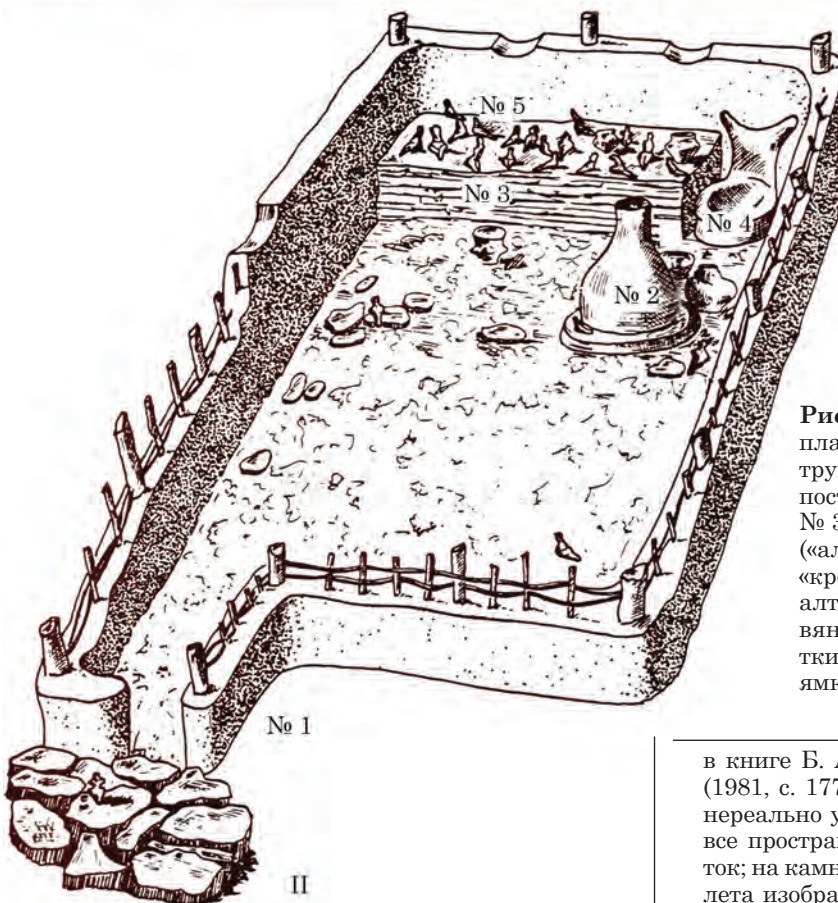
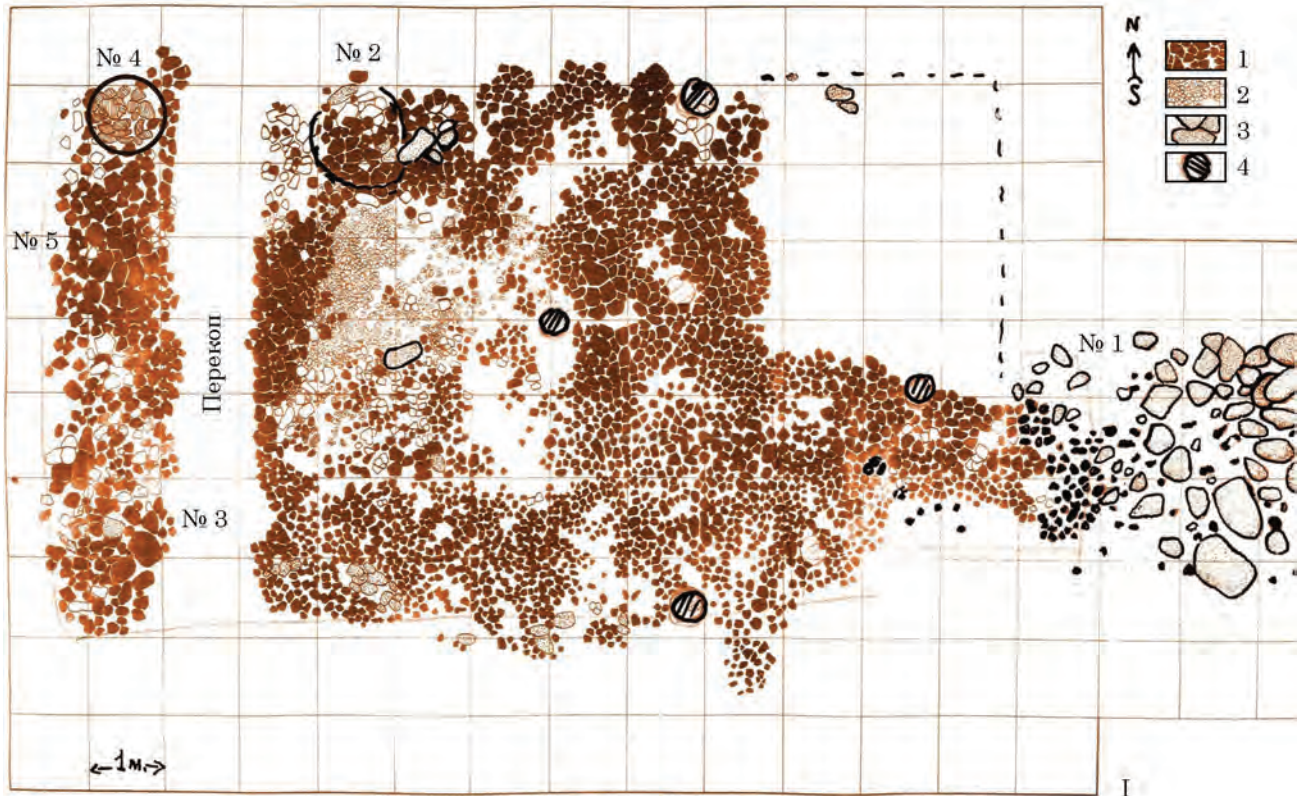
В Научных фондах Института археологии НАНУ хранятся материалы из раскопок раннетрипольского поселения Сабатиновка II, коллекция № 76/II (Бурдо 2007, с. 63—64). Исследования на поселении Сабатиновка II в 1947—49 гг. проводили М. Л. Макаревич (1952) и В. Н. Даниленко (Даниленко, Макаревич 1956), работавшие в составе Среднебугской экспедиции Института археологии АН УССР.

Памятник расположен на территории села, поэтому культурный слой поврежден поздними перекопами. В Сабатиновке II были исследованы остатки трех сожженных глинобитных жилищ и одно углубление. Особый интерес к этому памятнику привлекли находки, связанные с сакральной практикой жителей поселения. Наибольшую известность, в том числе международную, приобрела предложенная М. Л. Макаревичем реконструкция жилища 3 как святилища (Макаревич 1960, с. 290—292). На протяжении последующих 50 лет графическая реконструкция этого объекта, причем без малейших попыток ее верификации, использовалась многими авторами.

© Н. Б. БУРДО, 2018

Наиболее обширная и вместе с тем наименее достоверная интерпретация реконструированного святилища из Сабатиновки II принадлежит Т. Г. Мовше (1971). Исследовательница, ссылаясь на поиски Б. А. Рыбакова (1965) глубинного пласта славянских языческих культов, на основании реконструкции М. Л. Макаревича 1960 г. (а не на анализе особенностей собственно археологического объекта), интерпретировала постройку 3 как храм «Деметрь». По ее мнению, «убранство этого раннетрипольского храма и его атрибуты говорят о том, что совершаемые в нем обряды связаны с растиранием зерна и приготовлением из его муки теста для священного новогоднего хлеба «богача», здесь же выпекаемого». Т. Г. Мовша также подчеркивала, что «устройство и атрибуты храма настолько ясны, что нетрудно реконструировать всю обстановку, примерное число главных персонажей, совершающих обряд, и сам процесс обряда», и представляет «картину» этого обряда. Пять зернотерок дают основание предполагать участие в обряде растирания зерна пяти женщин. Шестая женщина разжигала в печи огонь, а седьмая («старшая женщина, основательница рода») руководила остальными, восседая в кресле (Мовша 1971, с. 203—204).

Очевидно, что эта картина, созданная под влиянием реконструкций язычества Б. А. Рыбакова и на основании графической реконструкции М. Л. Макаревича, одинаково далека, как от реальных особенностей жилища 3 в Сабатиновке II, так и от технологического процесса хлебопечения. Тем не менее, Б. А. Рыбаков, присоединяясь к интерпретациям Т. Г. Мовши, рассматривал сабатиновское святилище уже как «своеобразный женский дом, связанный с

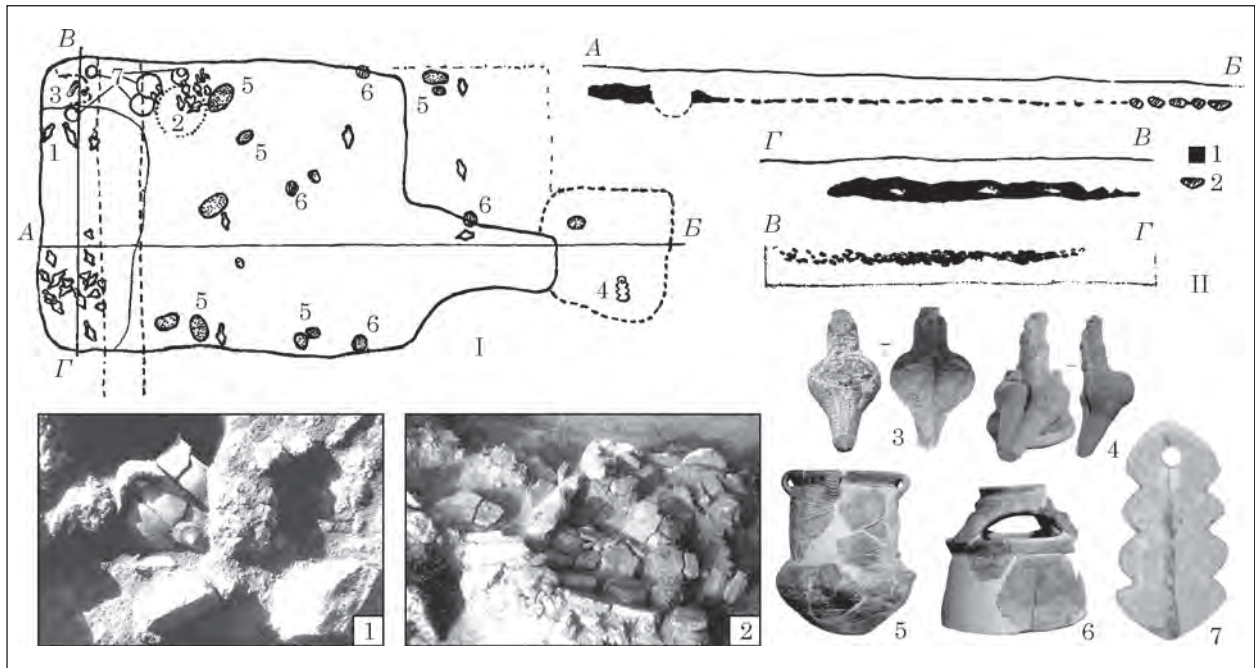
Рис. 1. Сабатинівка II, жилище 3 I — план остатков жилища, II — реконструкция жилища: № 1 — входная часть постройки; № 2 — конструкции «печи»; № 3 — многослойное залегание обмазки «алтаря»; № 4 — остатки конструкции «кресла»; № 5 — фрагменты статуэток на алтаре; 1 — обожженная обмазка деревянных перекрытий; 2 — остатки вымостки из глины; 3 — камни; 4 — столбовые ямки (по М. Л. Макаревичу)

выпечкой ритуального хлеба» (Рыбаков 1981, с. 175—177) ¹.

1. Необходимо отметить, что графическая реконструкция М. Л. Макаревича (1960, рис. 1) подверглась

в книге Б. А. Рыбакова некоторой модернизации (1981, с. 177). Масштаб статуэток нарушен — они нереально увеличены; статуэтки здесь заполняют все пространство «алтаря», а не его южный участок; на камнях входа вместо антропоморфного амулета изображена стоящая статуэтка, характерная для более поздних периодов Триполья; искажены формы сосудов, найденных в жилище 3, причем вместо ритуального полого изделия («курильница») изображен биконический кубок, типичный для Триполья С I. Все эти «мелочи» еще больше отдалили реконструкцию от реального объекта.

Рис. 2. Сабатиновка II, жилище 3: I — план (1 — фрагменты статуэток, 2 — место расположения «печи», 3 — место расположения «кресла», 4 — антропоморфный амулет, 5 — зернотерки, 6 — столбовые ямки, 7 — развалы сосудов); II — профили (1 — обожженная глиняная обломка, 2 — камни); 1 — развал сосуда; 2 — остатки глиняной конструкции; 3, 4 — антропоморфные статуэтки, 5, 6 — ритуальная керамика; 7 — антропоморфный амулет из раковины *Unio* (I, II — по М. Л. Макаревичу)

Е. К. Черныш также считала, что жилище 3 было «специально предназначено для выпечки хлеба» на том основании, что в нем была «хлебная печь» и зернотерки. «Алтарь» в работе Е. К. Черныш описан как «обмазанное глиной земляное возвышение» (Черныш 1982, с. 186)¹, что не соответствует реалиям археологического объекта. В. Г. Збеневич (1989, с. 167—168, рис. 84) полагал, что в жилище 3 М. Л. Макаревич реконструировал «домашний алтарь» («домашнее святилище»). Упоминается сабатиновское святилище в обобщающем исследовании В. А. Круца у «Давній історія України» (ред. Толочко 1997, с. 354—355; рис. 138).

М. Гимбутас привела реконструкцию М. Л. Макаревича в двух монографиях. Она рассматривала постройку как святилище Богини Змеи, которой поклонялось население Старой Европы (Gimbutas 1989, p. 132—133, fig. 215: a; 1991, p. 260—261)². Фигурирует святилище из Сабатиновки и в исследовании М. и Г. Лазаровичей (Lazarovici, Lazarovici 2008, p. 26, fig. 3).

1. Отметим, что данные об особенностях жилища 3 в Сабатиновке II и о находках в нем (число статуэток и зернотерок) Е. К. Черныш (1982, с. 243) почерпнула из статьи М. Л. Макаревича с реконструкцией святилища, а эти данные не отражают реальной ситуации.

2. М. Гимбутас ошибочно локализовала поселение Сабатиновка в Республике Молдова (Gimbutas 1991, p. 260—261) или в Западной Украине (Gimbutas 1989, p. 132—133).

Д. К. Черновол (2009, с. 329—331) обратил внимание на интерьер жилища 3 из Сабатиновки II. В отличие от всех упомянутых исследователей, он обратился к анализу конкретных особенностей постройки, зафиксированных в полевой документации³. Д. К. Черновол обращает внимание на довольно невысокий уровень полевой фиксации исследованных материалов и частичное нарушение объекта поздними перекопами, однако в целом не подвергает критике реконструируемые М. Л. Макаревичем такие детали интерьера, как возвышение-алтарь и печь, опираясь при этом на расположение интерьера на керамических моделях с памятников Триполья С I.

Нам уже не раз приходилось обращать внимание на степень достоверности реконструкции М. Л. Макаревича (Бурдо 2004, с. 363—364; 2013, с. 133—143). Следует отметить, что в обеих публикациях (Макаревич 1952, с. 91; 1960, с. 290) сведения об остатках жилища 3 весьма скудные. Для проверки достоверности реконструкции жилища 3 обратимся к информации, зафиксированной в отчете о раскопках объекта (Макаревич 1948).

Остатки жилища 3 («площадки») представлены завалом обожженной глиняной обломки с включением обломков глиняных конструк-

3. Ориентация постройки по линии север—юг у Д. К. Черновола (2009, с. 329) указана неверно, постройка ориентирована восток—запад (Макаревич 1952, с. 92).

ций интерьера и многочисленным инвентарем. В плане завал глиняной обмазки стен и деревянных перекрытий постройки представлял собой прямоугольник размерами 10 × 8 м с прямоугольным ответвлением (размером приблизительно 4 × 2 м) в восточной части. Перед этим ответвлением зафиксирована каменная выкладка (размерами 3,5 × 3,5 м), частично перекрытая комьями обожженной глины. На камнях найден антропоморфный амулет из раковины *Uro* (рис. 2: 7). В западной части остатки жилища разрушены современной траншеей (рис. 1: I; 2: I). В обмазке зафиксирована примесь половецкой лозы, обнаружены отпечатки лозы, иногда плах.

В северной части постройки зафиксировано скопление сильно обожженной глиняной обмазки, которую М. Л. Макаревич считал остатками печи. На чертежах это объект 2 (рис. 1: I, II; 2: I; 3: 6). Из текста отчета следует, что среди обмазки этого объекта обнаружены фрагменты керамики, антропоморфная статуэтка, модель стульчика, костяное орудие. На чертеже видно, что в этом скоплении обмазки присутствовало несколько статуэток и стульчиков, а также камни зернотерок (рис. 3: 6).

Под слоем обмазки обнаружена овальная в плане яма диаметрами 0,78 м и 0,63 м, глубиной 0,45 м от древнего горизонта. В яме найден развал кувшина (рис. 3: 3) с каннелированным орнаментом (Макаревич 1952, табл. 1: 13). Среди фрагментов этого сосуда находилась небольшая чаша (рис. 3: 2), украшенная барботином (Макаревич 1952, табл. 1: 12). Рядом с кувшином найдено два фрагмента шлифовального камня, основная часть которого находилась в обмазке рядом с ямой.

Рядом выявлена еще одна яма глубиной 0,68 м, значительная часть которой была повреждена траншеей (Макаревич 1948, с. 17). В нее сползло несколько кусков обмазки. В яме на кусках обмазки найдено два фрагмента крупных сосудов, один из них от миски. Вторым фрагмент содержал «большое количество костей животных, значительная часть которых имела следы обжига» (Макаревич 1948, с. 18)¹.

Однако на полевых чертежах М. Л. Макаревича ямы не обозначены. В публикации о раскопках в Сабатиновке II упомянута только одна «предпечная яма». Судя по описанию заполнения этой ямы, М. Л. Макаревич объединил две ямы (в одной яме найдена целая чаша, в другой — обожженные кости), описанные в отчете

1 По мнению М. Л. Макаревича, яма служила «кладовой», а следы обжига на костях свидетельствуют о том, что мясо подвергалось обжариванию или копчению (Макаревич 1948, с. 17). Предположение абсолютно невероятное, так как при температуре, от которой кости получают видимые следы обжига, мясо обугливается и непригодно к употреблению.

как одна (Макаревич 1952, с. 91). В статье, посвященной реконструкции святилища, яма вообще не упоминается. Утверждается, что каннелированный сосуд и большая миска, заполненная пережженными костями (в отчете был фрагмент сосуда, а не миска), стояли «в непосредственной близости от печи» (Макаревич 1960, с. 290).

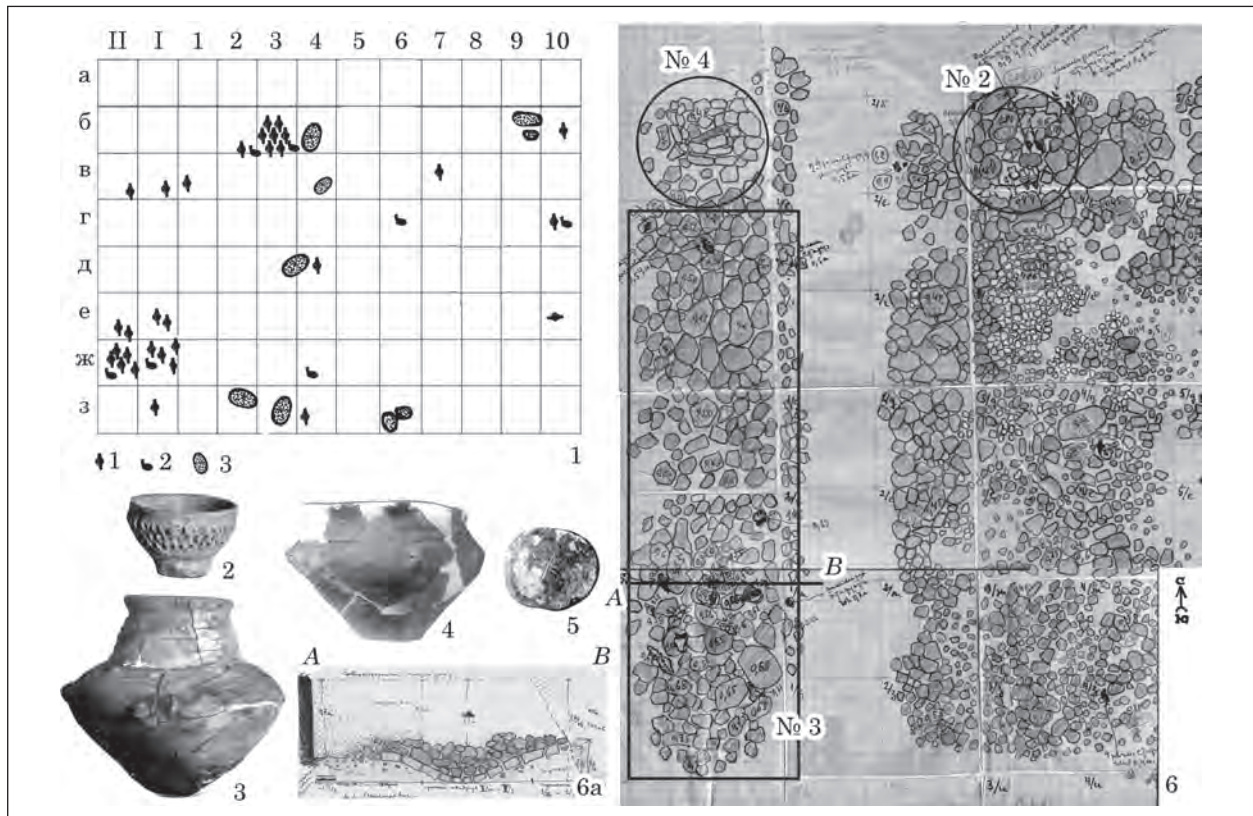
Таким образом, в текстах М. Л. Макаревича представлены три версии описания объекта, интерпретируемого им как печь. При этом никаких данных, подтверждающих такую интерпретацию (описание деталей пода, свода) не приведено. Не объяснены наличие среди завала «печи» фрагментов керамики, пластики, камней зернотерок и других находок, лежащих на разных глубинах вперемешку с кусками обожженной глины (глубины от 0,44 до 1,2 м). Очевидно, что это скопление материалов образовалось в результате разрушения межэтажного перекрытия жилища в процессе его ритуального сожжения.

В западной части жилища обнаружено залегание остатков конструкций объекта 3 на чертежах (рис. 1: I, II; 3: 6), состоявшее, по данным отчета, из «сплошной массы обломков пережженной глины», которые были ошлакованы и «сильно сцементированы и спаяны между собой действием огня». В центральной, наиболее мощной, части завала куски обмазки лежали местами в 3—4 слоя. Это скопление было перерезано и частично разрушено поздней траншеей (рис. 1: I; 3: 6). Именно в южной части этого завала обмазки, на его поверхности и между кусками обожженной глины, обнаружено скопление из антропоморфных статуэток и их фрагментов, целая керамическая модель стульчика и фрагмент такой модели с росписью (Макаревич 1948, с. 18).

Часть статуэток имеет следы сильного повторного обжига. Именно в результате этого на двух статуэтках и фрагменте стульчика сохранилась красная роспись (рис. 2: 3). Единичные фрагменты статуэток и фрагменты керамики обнаружены в других частях скопления. М. Л. Макаревич интерпретировал завал обмазки как возвышение-алтарь. В статье 1960 г., посвященной реконструкции жилища 3, исследователь упомянул 4—5 слоев обмазки и сообщил, что возвышение имело высоту 0,4—0,5 м, а статуэтки были расположены на возвышении (Макаревич 1960, с. 290—291), хотя ранее речь шла об их нахождении среди кусков обмазки. Есть основания полагать, что характер залегания сильно обожженной обмазки и материалов свидетельствует о том, что оно представляет собой завал остатков межэтажного перекрытия, конструкции которого рухнули во время ритуального пожара и образовали хаотичное скопление обломков и материалов, находившихся в помещении второго этажа.

Рядом с завалом обмазки в северо-западном углу постройки обнаружены остатки сооруже-

Рис. 3. Сабатиновка II, жилище № 3: 1 — распределение фрагментов статуэток, стульчиков-тронов и зернотерок (1 — фрагменты статуэток, 2 — фрагменты стульчиков-тронов, 3 — зернотерки); 2—4 — сосуды из жилища 3; 5 — шиферный диск с изображением креста; 6 — полевые чертежи М. Л. Макаревича (6 — план; 6а — профиль)

ния из глины с примесью полове, в том числе один в виде роговидного выступа. Некоторые куски обмазки имели с нижней стороны отпечатки деревянных плах. Среди обломков глиняной конструкции, обозначенной как объект 4 (рис. 1: I, II; 2: 2; 3: 6) и представлявшей собой, по мнению М. Л. Макаревича, глиняное кресло с рогатой спинкой, обнаружены фрагменты сосудов, фрагмент керамического черпака, небольшой клиновидный топор, шиферный диск (Макаревич 1952, табл. 1: 17) с крестовидным знаком (рис. 3: 5). Однако сохранившиеся в фондах Института археологии НАНУ остатки глиняного сооружения (рис. 2: 2) позволяют сделать вывод, что оно было, скорее, прямоугольной, чем круглой формы. Вероятно, это могло быть своеобразное хранилище — «коробка», сооруженная на глиняном полу второго этажа. Похожая емкость обнаружена в жилище 2 на поселении Тимково, но на земляном полу первого этажа (Бурдо, Відейко 1985, рис. 2). Там же обнаружены остатки конструкции из глины, предположительно очага-алтаря, с роговидными выступами (Бурдо 2004а, с. 519).

Основная масса описанных выше находок и конструкций интерьера была сконцентрирована в западной и северо-западной частях постройки. В центральной ее части на глиняной обмазке обнаружено три зернотерки и четыре

растиральных камня, некоторые из них растрескались на куски. Зернотерки и отдельные статуэтки найдены также в северо-восточной части постройки, где не зафиксировано залегания обожженной обмазки. В трех случаях рядом с зернотерками найдены антропоморфные статуэтки (рис. 2: I).

Среди остатков жилища 3 выявлены пятна от пяти столбовых ям, две из которых находились в центре постройки, а три — по бокам (рис. 1: I; 2: I). Вероятно, ряд столбов поддерживал межэтажное перекрытие, так как значительная ширина постройки (более 7 м) не позволяла создать достаточно прочную конструкцию, укладываемая деревянные балки непосредственно на стены.

Профиль объекта показывает залегание обмазки в один слой (рис. 2: II, 1), кроме участка (а именно, возвышения) в западной части, где фиксируется хаотичное скопление кусков обмазки, в некоторых местах в три слоя. Среди кусков обмазки зафиксированы фрагменты керамики и антропоморфные статуэтки (рис. 3: 6а). Для этого участка в полевой документации М. Л. Макаревича имеется три профиля, которые отличаются между собой в деталях, тем не менее, отчетливо видно, что куски обожженной глины с растительной примесью залегала не четко выраженными слоями, что характерно

для возвышений из глины без примесей в трипольских жилищах, а в виде хаотичной кучи обломков (рис. 2: II).

В северо-западной части постройки обнаружены остатки сильно разрушенной вымостки, имевшей вид растрескавшегося на мелкие плитки желтого цвета слоя глины без примесей толщиной до 2,5 см, намазанного на земляной пол. Диаметр вымостки не превышал 1,0 м¹. Она частично перекрыта кусками обмазки с растительной примесью (рис. 3: 6).

Приведенный анализ полевой документации и описания раскопок жилища 3 в Сабатиновке II из всех доступных источников показывает некоторые несоответствия реального объекта и реконструированных М. Л. Макаревичем деталей. Обращаясь к возможной реконструкции этой постройки, следует отметить очевидные следы ритуального пожара, в котором погибла постройка. Это сильный обжиг, иногда до состояния шлака, глиняных конструкций постройки, а также явные следы обжига пластики, термическая деформация части сосудов из жилища (рис. 3: 4), пережженные кости животных.

Полученные данные позволяют предположить, что жилище 3 было прямоугольной в плане глинобитной двухэтажной постройкой, погибшей при пожаре. На ритуальный характер пожара указывает расставленный в доме перед сожжением многочисленный инвентарь, в том числе керамика и пластика. На земляном полу в центральной части жилища было устроено небольшое возвышение, вероятно, круглое в плане. С ним связаны находки зернотерки и фрагментов статуэток. В этом помещении были разложены зернотерки, три из которых в сопровождении статуэток. Большая часть перечисленных предметов связана со вторым этажом.

Конструкция из глины в северо-западном углу постройки, зернотерки, антропоморфная пластика, сосуды находились на межэтажном перекрытии и рухнули вместе с ним во время разрушения дома. Планиграфическая схема распределения статуэток показывает, что их скопления обнаружены в юго-западной и северо-западной частях основного помещения, а единичные статуэтки и зернотерки встречаются в разных частях постройки (рис. 3: 1). Часть сосудов из жилища 3, несомненно, ритуального назначения (рис. 2: 5, 6), как и амулет из раковины (рис. 2: 7), и диск с крестом (рис. 3: 5). Всего в жилище найдено 32 антропоморфные статуэтки, преимущественно фрагментарные. Все эти находки подтверждают мнение об особом сакральном статусе жилища 3. Однако для реконструкции печи, возвышения-алтаря и глиняного кресла в этом доме, не говоря уже о сцене ритуальной выпечки хлеба, нет оснований.

1 М. Л. Макаревич рассматривал эту плитчатую обмазку как подмазку пола постройки, не сохранившуюся на остальной площади.

ЛИТЕРАТУРА

Бурдо, Н. Б. 2004а. Сакральний світ трипільської цивілізації. В: Відейко, М. Ю. (ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Київ: Укрполіграфмедіа, I, с. 344-420.

Бурдо, Н. Б. 2004б. Сабатинівка II. В: Відейко, М. Ю. (ред.). *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Київ: Укрполіграфмедіа, II, с. 519-521.

Бурдо, Н. Б. 2007. Колекції первісної доби. В: Сон, Н. О. (ред.). *Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог*. Київ: Академперіодика, с. 63-64.

Бурдо, Н. Б. 2013. Следы ритуальной практики на крупном трипольском поселении Майданецкое. *Tyragetia*, s. n., VII (XXII), 1, с. 133-143.

Бурдо, Н. Б., Відейко, М. Ю. 1985. Ранньотрипільське поселення Тимкове в Одеській області. *Археологія*, 52, с. 78-86.

Даниленко, В. М., Макаревич, М. Л. 1956. Дослідження на II Сабатинівському поселенні в 1949 р. *Археологічні пам'ятки УРСР*, VI, с. 134-144.

Збеневич, В. Г. 1989. *Ранний этап трипольской культуры на территории Украины*. Киев: Наукова думка.

Макаревич, М. Л. 1948. *Отчет о работе Средне-Бугской экспедиции 1947—1948 гг.* НА ІА НАНУ, 1948/16.

Макаревич, М. Л. 1952. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IV, с. 89-95.

Макаревич, М. Л. 1954. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, 3, с. 90-94.

Макаревич, М. Л. 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен. *Записки Одесского археологического общества*, I, с. 290-301.

Мовша, Т. Г. 1971. Святылища трипольской культуры. *Советская археология*, 1, с. 201-205.

Рыбаков, Б. А. 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита. *Советская археология*, 1, с. 24-47; 2, с. 13-33.

Рыбаков, Б. А. 1981. *Язычество древних славян*. Москва: Наука.

Толочко, П. П. (ред.). 1997. *Давня історія України*. Київ: ІА НАНУ, 1.

Черновол, Д. К. 2009. Інтер'єр ранньотрипільських жител. В: Васильєва, С. А., Кулаковська, Л. В. (ред.). *С. М. Бибииков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 317-322.

Черныш, Е. К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: Массон, В. М., Мерперт, Н. Я. (ред.). *Энеолит СССР*. Москва: Наука, с. 165-252.

Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess: Sacred Images and Symbols of Old Europe*. San Francisco: Harher & Rou.

Gimbutas, M. 1991. *The Civilization of the Goddess: the World of Old Europe*. San Francisco: Harher.

Lazarovici, G., Lazarovici, M. 2008. Sanctuarele culturale Precucuteni-Cucuteni. *Angustia*, 12. Sfântu Gheorghe, p. 9-40.

REFERENCES

Burdo, N. B. 2004a. Sakralnyi svit trypils'koi civilizatsii. In: Videiko, M. Yu. (ed.). *Encyklopediia trypils'koi civilizatsii*. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, I, p. 344-420.

Burdo, N. B. 2004b. Sabatynivka II. In: Videiko, M. Yu. (ed.). *Encyklopediia trypils'koi civilizatsii*. Kyiv: Ukrpoligrafmedia, II, p. 519-521.

N. B. Burdo

EARLY TRYPILLIAN SANCTUARY AT SABATYNIVKA II. PROBLEM OF INTERPRETATION OF TRYPILLIAN BUILDING REMAINS

The remains of three burnt mud houses and one depression were investigated at Trypillia A site Sabatynivka II. Particular interest in this explorations was attracted by findings related to the sacred practice, namely by famous M. L. Makarevych's reconstruction of the dwelling 3 as a sanctuary. During the last 50 years, the graphic reconstruction of this object was used many times by different authors without a slightest attempt of its verification.

The article analyzes the data for the reconstruction of the sanctuary at the early settlement of Sabatynivka II in the Kirovohrad region.

The analysis of field documentation and the description of the excavation of dwelling 3 in Sabatynivka II from all available sources reveals some inconsistencies in the real object and details reconstructed by various researchers. The fact that the object is partially destroyed by the late trench makes it difficult to reconstruct and interpret it. Turning to the possible reconstruction of this building, the obvious traces of the ritual fire in which the building died should be noted. The obtained data suggest that the dwelling 3 was a rectangular adobe two-storey building. Most of the items found during excavations, including numerous figurines, are connected to the second floor. The ritual character of the fire is indicated by the inventory placed in the house before burning. However, there are no grounds for the reconstruction of the furnace, the elevation-altar and clay chair, as well as the «ritual of baking bread» in this house.

Keywords: Early Trypillia, Sabatynivka II, dwelling, sanctuary, reconstruction, architectural remains.

Одержано 10.10.2017

БУРДО Наталія Борисівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, nbburdo@gmail.com.

BURDO Nataliia Borysivna, PhD, Senior Research Fellow, nbburdo@gmail.com.

Burdo, N. B. 2007. Kolekcii pervisnoi doby. In: Son, N. O. (ed.). *Kolekcii Naukovykh fondiv IA NANU. Katalog*. Kyiv: Akademiya, p. 63-64.

Burdo, N. B. 2013. Sledy ritualnoi praktiki na krupnom tripolskom poselenii Maidanetskoe. *Tyragetia*, s. n., VII (XXII), 1, p. 133-143.

Burdo, N. B., Videiko, M. Yu. 1985. Ranniitrypilske poselennia Tymkove v Odeskii oblasti. *Arkheolohiia*, 52, p. 78-86.

Danylenko, V. M., Makarevych, M. L. 1956. Doslidzhennia na II Sabatynivskomu poselenii v 1949 r. *Arkheolohichni pamiatky URSS*, VI, p. 134-144.

Zhenovych, V. G. 1989. *Rannii etap tripolskoi kultury na territorii Ukrainy*. Kyiv: Naukova dumka.

Makarevych, M. L. 1948. *Otchet o rabote Sredne-Bugskoi ekspeditsii 1947—1948 gg.* NA IA NANU, 1948/1b.

Makarevych, M. L. 1952. Serednobuzka ekspedyciia po doslidzhenniu pamiatok trypilskoi kultury. *Arkheolohichni pamiatky URSS*, IV, p. 89-95.

Makarevych, M. L. 1954. Statuetki tripolskogo poseleniia Sabatynivka II. *Kratkie soobshheniia IA AN USSR*, 3, p. 90-94.

Makarevych, M. L. 1960. Ob ideologicheskikh predstavleniakh u tripolskikh plemen. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva*, I, p. 290-301.

Movsha, T. G. 1971. Sviatilishcha tripolskoi kultury. *Sovetskaiia arkheologiia*, 1, p. 201-205.

Rybakov, B. A. 1965. Kosmogoniia i mifologiia zemledeltcev eneolita. In: *Sovetskaiia arkheologiia*, 1, p. 24-47, 2, p. 13-33.

Rybakov, B. A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavian*. Moskva: Nauka.

Tolochko, P. P. (ed.). 1997. *Davnii istoriia Ukrainy*. Kyiv: IA NANU, 1.

Chernovol, D. K. 2009. Interier ranniitrypilskykh zhytel. In: Vasylieva, S. A., Kulakovskaia, L. V. (eds). *S.M. Bibikov i pervobytnaia arkeologiia*. Sankt-Peterburg: PIMK RAN, p. 317-322.

Chernysh, E. K. 1982. Eneolit Pravoberezhnoi Ukrainy i Moldavii. In: Masson, V. M., Merpert, N. Ya. (eds). *Eneolit SSSR*. Moskva: Nauka, p. 165-252.

Gimbutas, M. 1989. *The Language of the Goddess: Sacred Images and Symbols of Old Europe*. San Francisco: Harber & Rou.

Gimbutas, M. 1991. *The Civilization of the Goddess: the World of Old Europe*. San Francisco: Harber.

Lazarovici, G., Lazarovici, M. 2008. Sanctuarele culturii Precucuteni-Cucuteni. *Angustia*, 12. Sfântu Gheorghe, p. 9-40.